

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ УМЕРЕННЫХ РОЯЛИСТОВ В ПЕРИОД КОНСУЛЬСТВА НАПОЛЕОНА

Е.П. Пискунова

Великая французская революция XVIII в. положила начало коренному преобразованию всего европейского общества, его политических, экономических, идеологических основ. В этот период идет оформление социально-политических доктрин, которым суждено оказывать определяющее воздействие на общественное развитие не только XIX, но и XX века. Речь идет о консервативной и либеральной концепциях развития общества. Обе они берут начало в роялистском движении, возникшем во Франции в 1789 году. Первое черпает свои истоки в идеологии крайних роялистов, стремившихся к полному восстановлению в стране старого порядка; второе основывается на теоретической доктрине и практике умеренных роялистов, признававших основные завоевания революции и стремившихся к восстановлению монархии на конституционных принципах.

Формированию идей и основным аспектам деятельности умеренных роялистов в исторических исследованиях не уделялось значительного внимания. Во Франции выходили работы, посвященные отдельным представителям умеренного течения Ж.-Ж. Мунье и П.В. Малуэ [5; 8], рассматривавшие главным образом их деятельность в период Учредительного собрания, а также работы, посвященные Французской революции и роялистскому движению в целом [6; 7]. Отечественные исследования на данную тему выходили в 20-е гг. XX в. и носили резко критический характер в отношении идеологов умеренного направления [1; 2], которые оценивались исключительно как враги революции. Между тем идеология умеренных роялистов выходит за рамки контрреволюционного течения и представляет собой систему политических взглядов, оказавших серьезное влияние на последующую историю Франции.

Умеренное течение в роялистском движении объединяло значительную часть сторонников восстановления монархии, включая в себя как представителей эмиграции, так и роялистов, остававшихся во Франции и вынужденных скрывать свои взгляды. В него входили либерально настроенные дворяне, еще до революции выступавшие за необходимость реформ, в которых нередко были сами заинтересованы, и представители буржуазии, считавшие, что королевская власть, ограниченная конституцией, обеспечит стабильность в стране и будет способствовать развитию предпринимательства.

Умеренные роялисты поддерживали первые революционные законопроекты, утверждая, что затем правильно начавшийся путь реформ был прерван по вине тех, кто видел в революции лишь средство для реализации своих честолюбивых планов. «Революция, начатая честными людьми, попала в руки злодеев» [3, р. 5], которые не позволили установиться господству истинной свободы. «Умеренные» считали, что необходимо исправить все допущенные после 1792 г. злоупотребления, сохранив прогрессивные завоевания революции.

Все представители умеренного течения были согласны с тем, что возврат к старой политической системе невозможен, но вопрос о будущей французской конституции вызывал в их среде серьезные разногласия, истоки которых также берут начало в деятельности Учредительного собрания, как и идеология крайних роялистов. Если такие депутаты, как Ж.-А. Казалес и Ф.-Д. Монлозье, настаивали на том, что авторитет короля превосходит авторитет любого собрания, и допускали лишь регулярный созыв Генеральных штатов, то Ж.-Ж. Мунье, Т.-Ж. Лалли-Толандал, П.-В. Малуэ и их сторонники выступали за конституционную монархию с

постоянно действующим двухпалатным парламентом и правом короля налагать абсолютное вето на постановления обеих палат. В эмиграции эти споры не утихли, а продолжались с еще большей силой. После 1796 г., когда активность крайних роялистов значительно уменьшается и они постепенно прекращают свои нападки на сторонников ограничения монархии, конституционалисты все чаще выступают со своими проектами будущего государственного устройства Франции и планами их достижения.

Наиболее консервативные предлагали закрепить в конституции тот порядок, который существовал во Франции до 1789 г. с незначительными изменениями. По своим взглядам эта группа была близка к крайним роялистам. Нагляднее всего ее позиция представлена в проекте Ж.-А. Казалеса, бывшего депутата Учредительного собрания, продолжавшего и в эмиграции отстаивать свои идеи [4]. Казалес не отрицает, что созыв Генеральных штатов и работа Учредительного собрания были необходимы. Но для него роль Собрания состояла в том, чтобы отредактировать и написать конституцию королевства такой, какой она существовала, а не в том, чтобы создавать проекты, отменяющие старинные институты. Надо письменно закрепить старинные обычаи и старинные привычки, а не модные философские принципы. Казалес считает, что конституция должна допускать Генеральные штаты, но с тремя различными условиями, раздельным голосованием и обсуждением всех дел вместе с королем. Такая конституция станет надежной гарантией против любой революции. Именно потому, что проект, принятый в 1791 г., нарушил старинные основные права, допустив множество нововведений, во Франции стали возможными падение королевской власти, казнь короля, террор. В будущем необходимо избежать подобной ошибки.

Силой, которая способна обеспечить стабильность в государстве, по мнению Казалеса, является дворянство. Он считал, что дворянство было и должно оставаться первым сословием нации. Оно призвано вести за собой народ, а также сдерживать его в границах существующей политической системы. В некоторых своих работах Казалес призна-

вал верховную власть народа, но не верховную власть собрания. Один народ может сломить королевскую волю, но для этого он должен выступить весь разом и единогласно, что явно неосуществимо. Авторитет короля основан на восьми столетиях непрерывного существования, поэтому он и превосходит авторитет собрания.

Казалес допускал некоторое разделение законодательной и исполнительной власти, но исполнительная власть должна, по его мнению, обладать частью законодательной. Исполнительная обладает также властью судебной. Казалес отрицательно относился к независимости судебной власти. Он считал также, что все судьи должны быть назначаемы королем, а не избираемы. Он выступал против разделения граждан на активных и пассивных, полагая, что всеобщее избирательное право будет более благоприятно для сильной королевской власти, чем ограниченное [4].

В целом Казалес является выразителем взглядов тех роялистов, которые не были сторонниками абсолютизма, допуская ряд реформ, но в то же время не принимали и конституции 1791 г. как слишком для них радикальной.

Значительную часть среди умеренных роялистов составляли поклонники английской конституции, мечтавшие о полном перенесении во Францию британской формы правления или использовании основных ее принципов. На создании по английскому типу двух палат, из которых верхняя палата пэров является наследственной, а нижняя палата – избираемой, настаивали в своих работах Ж.-Ж. Мунье [17] и Т.-Ж. Лалли-Толандаль [9].

На необходимости иметь двухпалатный, но только полностью избираемый парламент настаивал П.-В. Малуэ [15], также имевший немалое число последователей. Пьер-Виктор Малуэ до революции был генеральным комиссаром флота, потом интендантом флота в Тулоне. Малуэ отлично знал все недостатки старой системы и сознавал необходимость реформ, мечтая соединить общественную свободу и общественный контроль с сильной королевской властью. Он отрицательно относился к распространению во французском обществе отвлеченных и радикальных теорий. Будучи депутатом Учредительного собрания, высказывался против «Декларации прав» как

источника анархии, выступал за отчуждение церковного имущества, королевскую прерогативу. В 1790 г. Малуэ старался сплотить монархические элементы для противодействия якобинцам в клуб «беспристрастных» («Impartiaux»). Но эта попытка не имела успеха [8]. При окончательном обсуждении конституции 1791 г. Малуэ пытался сблизиться с видными членами «левой», чтобы восстановить основы королевского авторитета. После 10 августа 1792 г. он эмигрировал в Англию и во время процесса короля пытался добиться охранной грамоты от Конвента, чтобы выступать в защиту Людовика XVI.

Отдельную группу составляли желавшие вернуться к конституции 1791 г. и считавшие, что нет необходимости сочинять что-либо другое. Главным доводом сторонников этой конституции было то, что она, несмотря на свои недостатки, имеет существенное преимущество перед всеми остальными проектами. Она была официально принята Учредительным собранием и имеет законную силу.

Помимо разногласий по поводу политического устройства Франции умеренные роялисты имели расхождения и в социально-экономических вопросах. Никто из них, в том числе и сторонники Казалеса, не выступали против отмены феодальных прав и привилегий, тормозящих развитие страны, но границы допустимых реформ у каждой группы были свои. Разногласия вызывал также вопрос о роли церкви и религии в государстве и необходимости сохранения или конфискации церковных земель.

К решению одной из наиболее важных для роялистов проблем – возвращению собственности эмигрантов – умеренные роялисты подходили более гибко, чем крайние. Они не могли отказаться от желания вернуть свое имущество, но понимали, что возвращение им земельной собственности в полном объеме невозможно. Они надеялись, что законодательным путем и рядом частных соглашений можно будет достигнуть примирения интересов старых и новых владельцев. «Пусть никто не возвратит себе всего, что он потерял, и никто не удержит всего, что приобрел, – и тогда у всех будет обеспеченное владение тем, что у них останется», – предлагал Лалли-Толандаль [10, р. 248].

Необходимо отметить, что отношения между крайними и умеренными роялистами складывались весьма сложно не только из-за враждебной позиции сторонников старого режима, но и в связи с нежеланием сторонников конституции вступать в соглашение с абсолютистами. В бывшем придворном окружении и в провинциальном дворянстве конституционалисты видели косную и отжившую силу, которая не имеет будущего во Франции. Они стремились найти союзников внутри страны, искали пути сближения с революционной буржуазией, которая, как они надеялись, со временем осознает преимущества монархического правления.

В отличие от крайних роялистов умеренные понимали, что все попытки восстановить королевскую власть во Франции силой оружия обречены на провал. «Эмигранты рассчитывали на роялистское восстание внутри страны. Но контрреволюция, какой они ее себе представляли, неосуществима: только противопоставив одной массе другую, только путем гражданской войны можно было бы победить революцию. А сделать это дворянская эмиграция не в состоянии, потому что ее интересы противоположны интересам нации», – делал вывод Ф.-Д. Монлозье, один из лидеров консервативного направления в умеренном течении [16, р. 226].

Умеренные роялисты с самого начала отвергали силовые методы борьбы и стремились добиться реставрации монархии мирным путем. Нельзя навязать народу монархические убеждения, надо дожидаться, когда эти убеждения не будут категорически им отвергаться, а для этого необходимо вести незаметную и целенаправленную работу внутри страны.

Эмигранты составляли лишь часть роялистского движения. Значительное число роялистов на протяжении всей революции оставалось во Франции, не имея возможности или не желая ее покинуть. По своим взглядам в большинстве это были представители умеренного течения. Малле дю Пан называл их «роялистами мнения» в отличие от «роялистов заговора». «Роялисты мнения вовсе не отказываются от короля, они признают его необходимость, но они хотят видеть его рожденным Революцией, выбранным нацией и принявшим корону от нее. Таким образом, они

думают избавить от страха приобретших национальное имущество и других лиц, которые, сыграв роль в Революции, боятся мести. Эта партия вовсе не стремится спасти царей и бийц как таковых, но она не ставит себе основной целью их погубить. Обращенные республиканцы, смешанные революционеры и все конституционалисты примыкают к этой группе» [11, р. 373].

Жак Малле дю Пан был одним из ведущих теоретиков роялизма. Он не оставил после себя фундаментального трактата, его идеи и планы разбросаны по многочисленным статьям, брошюрам, письмам, но, как писал Ипполит Тэн в предисловии к сборнику его работ, «для того, чтобы иметь полную историю революции, надо лишь собрать его работы» [ibid., р. II], поскольку никто из современников тех событий не понял так глубоко, как он, характер и значение французской революции. «Его анализ всегда точен, его предсказания почти всегда верны, среди множества слепых людей, слепых или близоруких, он остается проницательным и видит очень далеко. В этом он уникален» [ibid., р. I].

Жак Малле дю Пан родился 5 ноября 1749 г. в швейцарской аристократической семье, исповедующей протестанскую религию. В силу полученного им воспитания и влияния кальвинизма он был убежденным консервативом, но вырос в республиканской стране и в юности увлекался идеями философов XVIII в., благодаря чему его консерватизм получил оттенок умеренности и прогрессивности. Современники писали о нем как о человеке прямо и бескорыстном, презиравшем роскошь и раболепство и на протяжении всей своей жизни сохранившем верность принятым убеждениям и принципам. Его называли «спартанским республиканцем, являющимся одновременно конституционным монархистом» [12, р. 2].

Идеи Руссо произвели на него сильное впечатление, но он быстро разочаровался в них и впоследствии называл «Общественный договор» «развращающим общество “Кораном” любителей пустых споров 1789 г., якобинцев 1790-го, республиканцев 1791-го и наиболее жестоких бешеных» [14, р. 363].

Одно время Малле дю Пан был профессором истории в академии Гессен-Касселя, а

в 1784 г. он приезжает в Париж, где становится редактором журнала «Меркурий Франции». В начале революции Малле поддерживал группу умеренных конституционалистов в Учредительном собрании. В своем журнале он отстаивал требование двухпалатной системы, сохранения всей исполнительной власти королем и предоставления избирательного права только землевладельцам. Он внимательно следит за дебатами в Учредительном собрании и, поскольку сам редко имеет возможность присутствовать на заседаниях, пользуется услугами многочисленных корреспондентов. Его требования к ним чрезвычайно высоки: он считает необходимыми такие качества, как способность к тонкому анализу, объективность, умение найти главное, а не увлекаться сбором «напыщенных речей, преувеличений, яростных выпадов» [3, р. 10].

Публикуемые им материалы, а еще более его комментарии к ним вызывают недовольство радикально настроенных кругов. В письме к Ж.-Ж. Мунье он сообщает об угрозах со стороны «неистовых из Пале-Рояля» [ibid., р. 11], имея в виду представителей левого крыла, собиравшихся во дворце герцога Орлеанского. Он пишет, что пять лет с опасностью для своей жизни и свободы противостоял желанием могущественных министров и не собирается делаться менее независимым по отношению к новому деспотизму, но вынужден соблюдать некоторую осторожность, поскольку отвечает за типографию и не может пренебрегать опасностью, которая относится не только к нему лично [ibid.]. Эти угрозы не были пустыми словами. В день бегства короля дом дю Пана был захвачен и многие бумаги похищены.

Происходящие во Франции события вызывают у него серьезную тревогу. Он пишет, что «демократические принципы, без подготовки заменившие абсолютное правление, скоро вызовут ненависть ко всякому общественному порядку, всякой власти, всяким мероприятиям» [13, р. 28]. Малле дю Пан также отрицательно относится к происходящему за пределами страны. Он осуждает призывы французских эмигрантов организовать интервенцию силами австрийской и прусской армий, поскольку считает, что война ухудшит и без того непрочное положение короля и в ко-

нечном счете приведет к падению монархии. Вынужденный закрыть редакцию «Меркурия», он принимает предложение Людовика XVI отправиться за границу в качестве поверенного и вступить в переговоры с коалицией и эмигрантами, чтобы убедить их в необходимости более умеренной и осторожной тактики. Малле покидает Францию в апреле 1792 года. Начавшаяся война и казнь короля закрыли ему дорогу обратно. Его миссия не имела успеха.

Малле дю Пан останавливается в Брюсселе, где публикует в марте 1793 г. «Рассуждения о природе французской революции и о причинах, которые увеличивают ее продолжительность». Эта работа привлекает к нему внимание многих европейских дворов. С 1793-го по 1798 г. он живет в Берне, внимательно наблюдая за происходящими во Франции переменами. На протяжении этих пяти лет он ведет переписку с венским двором. Сохранив связь со своими французскими корреспондентами, он обладает обширной и разносторонней информацией, которой охотно делится с Венной, дополняя ее своими замечаниями и прогнозами [11, р. II]. Он становится своего рода консультантом, или, как называет его Ипполит Тэн, «консультирующим врачом», наблюдающим течение тяжелой болезни, называемой революционной лихорадкой. Малле дю Пан надеялся, что его деятельность не будет напрасной, а советы будут приняты во внимание. Через некоторое время он напишет одному из друзей: «Я наказан за желание сделаться советником правительств; я имел глупость в течение четырех лет мартать бумагу воспроизведением обстоятельств; но я не только не имел одобрения среди правительств Европы, но более того, я навлек на себя их недоброжелательство, так как они ненавидят события, которые я старался оправдать» [13, р. 25].

Одновременно он выпускает «Письма к французскому роялисту», в которых рассматривает текущие политические проблемы, объясняя причины успехов революционной армии, предлагает новые методы борьбы, выдвигая свой план реставрации монархии, рассуждает о будущем политическом устройстве Франции. Он старается быть беспристрастным, но на самом деле является таким же французским роялистом, как и тот, к кому он

обращается. Малле дю Пан пишет о Франции как о собственной стране и о французской монархии – как о своей монархии.

В 1798 г. он уезжает в Англию, где проходят последние годы его жизни. Здесь Малле дю Пан выпускает журнал «Меркурий Британии», по-прежнему находясь в курсе всего, что происходит во Франции.

Малле дю Пан сформулировал свой взгляд на революцию в работах, созданных в начале 1790-х гг., и на протяжении последующих лет его точка зрения оставалась неизменной. Он протестует против поверхностных суждений о революционных событиях. Ошибочно думать, считает Малле, что революция могла произойти от философии и безверия. Революция – это перемещение власти, которое происходит всякий раз, когда «старая власть не имеет больше силы поддерживать общественное дело или смелости для поддержания себя самой» [12, р. 189].

С 1789 г. во Франции произошла не одна, а несколько революций. Первое перемещение власти состоялось, когда король созвал Генеральные штаты и тем самым признал свое собственное бессилие. Эта революция была совершена в пользу всей нации, кроме короля. Но дворянство и духовенство были слишком слабы, чтобы сохранить свою долю власти. Со взятием Бастилии, 14 июля 1789 г., произошло новое перемещение власти, оказавшейся в руках депутатов третьего сословия. Эта вторая революция совершилась в пользу всей нации, кроме короля и двух высших сословий, и повлекла за собой отмену феодальных прав. Третья революция (6 октября 1789 г.) переместила власть в руки парижской толпы и дополнила вторую, произведя конфискацию церковного имущества. Падение монархии было четвертой революцией; она была совершена в пользу нации, кроме высших сословий и тех, кто оказался на их месте. Власть переместилась в руки республиканцев. В день падения жирондистов произошла пятая революция, охватившая всех, кроме собственников, и переместившая власть в пользу санкюлотов [ibid., р. 189–204]. В 1793 г. Малле дю Пан был убежден, что последняя революция еще не наступила. В переворотах 9 термидора и 18 брюмера он увидел подтверждение своей теории [ibid., р. 298, 546–548].

«Существует неизменное правило, что раз совершенно перемещение власти, оно неизбежно ведет к перемещению собственности» [12, р. 193]. В основе всех перемещений власти, по его мнению, лежит ложная идея народовластия и господства разума. Люди, которые говорили об этом, на самом деле подчинили народ своему господству и создали тиранию. «Создать в наши дни народное государство по доктрине французских революционеров не значит создать республиканцев; это значит организовать разбойников... Вы хотите республики равных посреди неравенства, введенного в общество общественной службой, наследством, браками, промышленностью, торговлей» [ibid., р. 84]. Разрушение старого порядка не приведет к освобождению, а лишь создаст новое угнетение. Революция приводит к деспотизму большинства над меньшинством, но и большинство не чувствует себя свободным.

Революционеры утверждают, что конституция, построенная на разумных началах, решит все проблемы. Но Малле дю Пан выражает сомнение, что они способны создать такую конституцию. «Люди для них являются камнями, – писал он Мунье еще в 1789 г., – они изгоняют из общества страсти и пороки; они представляют мир собранием небесных духов, которые всегда повинуются только разуму, иначе говоря, их доктринам» [3, р. 13]. Никогда еще, считает Малле дю Пан, хорошая конституция не была делом рук какого-либо собрания людей, которое всегда является беспорядочным. Она может быть создана одним лицом, а когда она готова, для ее сохранения существуют сенаты, состоящие из избранных, владеющих собственностью людей.

Революция представляется Малле дю Пану стихийным, неуправляемым процессом, поэтому для борьбы с ней необходимы единство и сплоченность. Поиск средств, «способных сразить гидру», он считает одной из главных своих задач.

В первом «Письме к французскому роялисту» Малле обращает внимание на то, что Францию разрывают внутренние проблемы: борьба партий, экономическая катастрофа, атмосфера всеобщей ненависти и подозрительности, но, несмотря на это, на границах

страны французы забывают обо всех разногласиях и объединяются перед лицом общего врага. Поэтому они сильнее, чем вся Европа. «Европейские державы вряд ли могут снарядить силы более значительные, чем те, которые они выдвинули против Франции» [12, р. 125]. Их слишком занимают собственные проблемы. Борьба с французской революцией для них лишь одна из задач, причем далеко не главных. Более того, они надеются извлечь выгоду из трудностей, переживаемых сейчас Францией, в то время как для республики нет ничего важнее этой войны. В стране забыты ремесла и коммерция, поэтому «возросло число рук, которые можно не только использовать, но даже принести в жертву войне, в размерах, которым не может подражать ни одно государство» [ibid., р. 126]. Державы совершили ошибку, угрожая независимости страны, тем самым они придали войне национальный характер, что сделало французов «народом, имеющим только одно сердце и одну душу».

Революцию нельзя победить силой одного оружия, надо опереться на общественное мнение. Необходимо использовать разногласия между республиканцами, не позволяя им договориться друг с другом. Чтобы сократить число сражающихся, нужно их разъединить, для этого «надо обнаружить среди них друзей и способствовать нажиму на тех, кто им самим представляется таковыми. Чтобы обнаружить друзей, надо внушить доверие. Чтобы внушить доверие, нельзя допустить возникновение сомнений в замыслах тех, кто хочет этого добиться» [ibid., р. 126–127]. Нельзя делать из этой войны предлог для новых завоеваний.

Между тем Малле дю Пан уверен, что именно к этому стремятся европейские державы. В третьем «Письме к французскому роялисту» он рассуждает о том, какие последствия для европейского равновесия будет иметь произведенный между Россией и Пруссией раздел Польши. Он убежден, что это событие повлечет за собой другой раздел, но уже Франции. Условием и следствием сделки между Россией и Пруссией станет территориальная компенсация Австрии. Убытки будут возмещены Австрии в передаче ей Баварии, а лишенному владений герцогу компенсируют

ущерб из Франции. «Следовательно, державы покровительствуют узурпации, так как они видят в происходящих событиях предлог и надежду на их использование» [12, р. 171]. Лишь когда подобные планы будут забыты, можно надеяться на успех.

Монархи Европы должны забыть также и свои раздоры, объединившись перед лицом общей опасности. «Нет спасения, пока Европа будет пребывать в состоянии раздробленности, конфликте и эгоизме, в которые она погружена. Нет спасения, если все великие державы не соединятся для сотрудничества, чтобы добиться мира, который спасет Европу от бесчестья стать вассалом революции и вотчиной ее деятелей» [ibid., р. 179].

Успех контрреволюции, считает Малле дю Пан, зависит от интервенции, но не только от нее одной. «Несмотря на все усилия иностранных частей, Франция может быть окончательно покорена только через развитие внутренних сил» [ibid., р. 243]. Необходимо ускорить «развитие того, что называется гражданской войной, потому что она неизбежна» [ibid.]. Но гражданская война должна быть правильно организована. Согласно плану Малле дю Пана, контрреволюция должна расширить свои пределы, включив в себя всех отброшенных революцией, все собственнические и монархические элементы. «Надо привлечь всех тех, кого можно привлечь, и избегать отпугивать или тревожить всех тех, кто не станет доверять непростительным ошибкам» [ibid., р. 256].

Он осуждает организацию особого отряда эмигрантов-дворян при союзной армии, но еще больше осуждает отказ от организации отряда из всех эмигрировавших и готовых эмигрировать французов. С якобинцами может быть только борьба, но нельзя смешивать с ними умеренных революционеров, иначе они соединятся с первыми. Необходимо объединить «аристократов, роялистов, фельянов, крестьян, дезертиров, буржуа – всех тех, кого следовали один за другим кризисы революции изгнать из Франции» [ibid., р. 261]. Французские принцы, убеждает Малле, должны перестать считать себя вождями эмигрантской партии и должны усвоить язык вождей французской нации. Необходимо прекратить проверку прежних убеждений перебежчиков

и их роли в революции и считаться только с их нынешними взглядами, перестать говорить о дворянстве и заговорить о нации, ее интересах и несчастьях, хранить молчание о старом режиме, конституциях и правах сословий как вопросах, вызывающих споры и разногласия. Крайние роялисты не желают различать революционеров-республиканцев и революционеров-монархистов и хотят уничтожить их всех, в то время как сами не имеют пока ни одного реального шанса на победу.

Вместо того чтобы угрожать расправой, следует отдать должное доблести французских солдат и выразить сожаление «в пагубном заблуждении, в которое они вовлечены, для того чтобы жертвовать собой ради подлых амбиций мятежников, в то время как они предназначены защищать короля и монархию и служить опорой законов и общественного спокойствия» [12, р. 261]. Это была совершенно новая тактика борьбы, к которой Малле дю Пан упорно призывал в своих сочинениях как европейских монархов, так и французских роялистов.

Нужно заметить, что в программу Малле не входила реставрация старого режима. Еще до революции в своем журнале он развивал принципы английской конституции, в которых видел сочетание идеи свободы с идеей сильной королевской власти, являющейся посредницей между партиями. Английскую политическую систему он считал применимой «ко всякому государству любого объема, в котором надо сохранить монархию» [13, р. 42], поскольку она уже доказала свое совершенство и жизнеспособность в отличие от абстрактных проектов французских политических деятелей. Он предлагал создание при короле двухпалатного парламента при имущественном, а не сословном цензе и соглашался с законностью возвращения дворянам конфискованных земель, но без восстановления феодальных прав. Говоря о возвращении земель, Малле дю Пан напоминал о необходимости считаться с интересами новых владельцев и умалчивал о возвращении земель духовенству.

Признавая законными права графа Прованского, он сомневался в его способности вернуть расположение французов. «Как надеяться на то, что нация устремит-

ся навстречу королю, тогда как король имеет только угрозу на губах и меч мщения в руках?» [12, р. 441]. Для Малле дю Пана более предпочтительна кандидатура герцога Орлеанского.

Малле дю Пан предостерегает не только против проявления жестокости и нетерпимости, но и против излишнего благодушия и надежд, что все образуется само собой и в силу внутренних изменений Франция рано или поздно вновь станет монархией. «Те, кто думает, что Республика погибнет со временем, конечно, правы, – писал он в 1796 г., – но если они ожидают, что это более или менее близкое падение может уберечь оставшуюся Европу, если они ожидают, что все изменится тогда и черное станет белым, они заблуждаются; так как сегодняшней Республике может наследовать Республика монархическая или “диктаторская”. Что я знаю? За столько лет народное движение может дать сто разных форм подобной революции» [ibid., р. 534]. Только целенаправленная борьба с революцией может принести победу. Борьба, объединившая все заинтересованные в успехе силы и направленная не против французского народа, а против правительства, «ненавидимого тремя четвертями Франции, ставшего посмешищем или отчаянием нации» [ibid.], – писал Малле дю Пан, имея в виду режим Директории.

В этот период идеи Малле не находили широкого отклика среди роялистов. Его программу принимала определенная часть эмигрантов, представлявших умеренное течение. С ним также искали сближения эмигрировавшие революционеры, такие как генерал Дюмурье. Однако Малле дю Пан не смог добиться своей главной цели – объединения всех эмигрантов на позициях умеренности. Для конституционалистов, выступавших за большее ограничение королевской власти, его программа была слишком консервативной, а крайние роялисты считали его опасным человеком, проповедующим радикальные взгляды.

Последние статьи и письма Малле дю Пана, написанные в 1798–1799 гг. в Англии, полны пессимизма и разочарования в своих попытках «сделать слепых зрячими». «Ник-

то не желает ничего забывать, ничему учиться. Все руководители аристократии, все влиятельные люди исповедуют идеи Кобленца. Нельзя, следовательно, иметь никакой надежды. Природа вещей восстановит монархию, но никогда Людовика XVIII. Безумные попытки этого принца ускорили гибель его древнего дома, он проиграл и увлек за собой всех этих вечно слепых людей» [12, р. 533].

Но Малле дю Пан ошибался, говоря о бесполезности своей деятельности. В период консульства отношение к нему и его идеям начинает меняться. У него появляется все большее число последователей. Необходимость определить новую линию поведения в изменившейся ситуации приводит к тому, что мысли Малле дю Пана об объединении всех контрреволюционных сил, привлечении на свою сторону общественного мнения Европы и самой Франции уже не вызывают неприятия со стороны крайних роялистов и получают все большее распространение среди умеренных. Впоследствии суждения и взгляды умеренных роялистов стали составной частью идеологии послереволюционной эпохи и во многом были отражены в Хартии 1814 г., принятой при реставрации Бурбонов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайнштейн, О. Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789–1796) / О. Л. Вайнштейн. – Харьков, 1924.
2. Шебунин, А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века / А. Н. Шебунин. – Л., 1925.
3. Autour d'une Révolution (1788–1799) / par le comte d'Herisson. – P., 1888.
4. Cazales, J.-A.-M. Discours et opinions / J.-A.-M. Cazales. – P., 1821.
5. Egret, J. Lé Révolution des Notables. Mounier et monarchiens. 1789 / J. Egret. – P., 1950.
6. Gengembre, G. La Contre-Révolution ou l'histoire désespérante / G. Gengembre. – P., 1989.
7. Godechot J. La contrerévolution. Doctrine et action. 1789–1804 / J. Godechot. – P., 1961.
8. Griffiths, R.-H. Le centre perdu: Malouet et les «monarchiens» dans la Révolution française / R.-H. Griffiths. – Grenoble, 1988.

9. Lally-Tollendal, T.-J. Défence des émigrés français adreesee au peuple français / T.-J. Lally-Tollendal. – Londres, 1797.

10. Lally-Tollendal, T.-J. Mémoires de M. le comte de Lally-Tollendal / T.-J. Lally-Tollendal. – P., 1890.

11. Mallet du Pan, J. Correspondance inedite de Mallet du Pan avec la cour de Vienne (1794–1798) / J. Mallet du Pan. – P., 1884.

12. Mallet du Pan, J. La révolution française / J. Mallet du Pan, F. Descostes. – Tours, 1897.

13. Mallet du Pan, J. Mémoires et correspondances / J. Mallet du Pan. – P., 1851.

14. Mallet du Pan, J. Mercure britannique ou Notices historiques et critiques sur les affaires du temps / J. Mallet du Pan. – Londres, 1799. – № XXX.

15. Malouet, P.-V. Mémoires de P.-V. Malouet, publiés par son petit fils de baron Malouet / P.-V. Malouet. – P., 1868.

16. Montlosier, F.-D. Souvenirs d'un émigre / F.-D. Montlosier. – P., 1951.

17. Mounier, J.-J. Considerations sur les gouvernements et principalement sur celui qui convient a la France / J.-J. Mounier. – P., 1789.